

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 32
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцелярии
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГДСКАГО.

СОДЕРЖАНИЕ: О поклоненіи Богу въ духъ и истинъ (Къ 20 Мая).—На пути въ объятія Отчи (Изъ дневника инока).—„Кому Церковь не мать, тому Богъ не Отецъ“. А. Полѣвцова.—Сила Божія и немощь человѣческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. Сергѣя Нилуса.—Прозорливый старецъ (о. діанонъ Петропавловскій). Сообщилъ С. Н. К.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

О ПОКЛОНЕНИИ БОГУ ВЪ ДУХЪ И ИСТИНЪ

(Къ 20 Мая).

Господь сказалъ Самарянынѣ: *жено, вѣру Ми ими, яко... грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною, Духъ есть Богъ: и уже кланяется Ему, духомъ и истиною достоинъ кланяться* (Іоан. 4, 23, 24). И Апостоль говоритъ: *Богъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, ни отъ рукъ человѣческихъ угожденіе приемлетъ, требуя что* (Дѣян. 17, 24). Богъ не имѣетъ ни въ чемъ недостатка и нужды. Онъ преисполненъ всякаго блага; и не только люди, но и самые Ангелы отъ полноты Божіей приемлютъ, и всѣ они имѣютъ нужду въ неоскудѣвающимъ и преисполненномъ всего Богѣ, Котораго и благодарятъ, воспѣваютъ, славятъ, не сами собою дѣлая это, но благодатію, отъ полноты Его приемлемою, будучи подвигаемы и укрѣпляемы на то, чтобы благодарить, воспѣвать и славить Бога, Владыку и Творца своего. Итакъ, какіе же это суть истинные поклонники? Тѣ, которые неограничиваютъ своего служенія Богу какимъ-либо мѣстомъ, но служатъ и поклоняются Ему въ духѣ. Когда Господь говоритъ, что духъ есть Богъ, то не другое что симъ показываетъ, какъ-то, что Онъ безтѣлесенъ. И такъ, надлежитъ намъ безтѣлесному Богу приносить служеніе нашимъ собственнымъ безтѣлеснымъ естествомъ, т. е. душою. Ибо безтѣлесный Богъ можетъ благоугождаться только умомъ и чистою мыслию. Поелику, по слову Господа, пришелъ уже и нынѣ есть тотъ часъ, когда Богу поклоняться надлежитъ въ духѣ и истинѣ; то возможно ли нынѣ служить Ему въ преподобіи и правдѣ иначе, какъ не умомъ и мыслию? Но знать надо, что умъ нашъ и мысль наша не могутъ достоительно поклоняться Богу, если не будутъ прежде очищены силою вѣры во Христа Спасителя, если прежде самъ Господь не уврачуеъ ихъ,

не исцѣлить и не изведеть на свободу, такъ что пусть иные люди подвизаются въ добрыхъ дѣлахъ и думаютъ, что все творять во славу Божию, но если умъ ихъ не уврачеванъ Христомъ, не исцѣленъ, не изведенъ на свободу таинственно и мысленно, тщетно и бесполезно все, что они ни дѣлаютъ,—и посты, и бдѣнія, и молитвы, и милостыни, и всякое злостраданіе, и даже совершенная нестяжательность. Они еще не поклонялись Богу духомъ, каковое поклоненіе и есть единое истинное. А гдѣ нѣтъ истины, тамъ все прочее ложь и прелесть, невѣдѣніе Бога и непониманіе жизни во Христѣ. Тамъ жизнь заблудная, гдѣ не живутъ по неложному Христу.

И такъ тѣ, у которыхъ умъ еще не исцѣленъ, если хотятъ поклоняться Богу духомъ, должны напередъ всякій употребить подвигъ, чтобы стяжать сіе великое благо, т. е. божественную благодать, благо, для котораго и Христосъ распятіе подъялъ и смерть.

(Слова Преподобнаго Сгемеона Новаго Богослова).

На пути въ объятія Отчи.

Изъ дневника инока

(Продолженіе).

21 Января. Отъ чего это бываетъ, когда уяснишь какую нибудь мысль, особенно серьезную и долго занимающую, какъ будто освободишься отъ оковъ и готовъ всякому встрѣчному человѣку улыбаться?

24 Января. „Отымите лукавство отъ сердецъ вашихъ“, говоритъ Господь. Какъ часто лукавишь (уязвляешь лукомъ ненависти другаго) и самъ того не замѣчаешь. Страшна ярость: она прямо всѣ стрѣлы свои вонзаетъ въ невинную жертву. Страшнѣй лукавство: оно изъ подполья, незамѣтно для самого лукавящаго, какъ мышь, гложетъ его душу. Сначала лукавящій уязвляетъ, рапитъ лукавствомъ себя самого, и потомъ ужъ израненный, уязвленный послѣ долгаго, тихаго изподпольнаго лукавства съ бѣшенствомъ звѣря набрасывается, при удобномъ случаѣ, на свою жертву. Если рѣдко доходитъ до высшей своей степени

то въ меньшей степени лукавство находится въ каждомъ изъ насъ: какъ часто мы оскорбляемся однимъ недовольнымъ (хотя и справедливымъ) взглядомъ на насъ, и начинается въ насъ язва лукавства. Благо человѣку, если онъ, если постарается уврачевать эту страшную язву въ началѣ и не допустить ей поразить всю душу. *Пресвятая Владычице Богородице! Святими Твоими всесильными мольбами отъ насъ смиренныхъ и окаянныхъ вся скверныя, лукавыя помышленія!* ¹⁾

8 Февраля. „Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!“ Приближается великая Четыредесятница—время поста и молитвы. Вскорѣ предстоитъ принять подъ кровь души своей Великаго Гостя. Но, увя, обитель для Него не готова! Если Капернаумскій сотникъ при своей вѣрѣ, подобной которой *Сынъ Человѣческой* не встрѣчалъ на землѣ, говорилъ: „Господи! Я не достоинъ, чтобы Ты пришелъ подъ кровь мой“, что же скажешь ты, душа моя, вмѣсто укрѣпленія чрезъ вѣру въ такое важное время обуреваемая сомнѣнiемъ, унынiемъ и нерадѣнiемъ? Какъ можешь обновиться покаянiемъ ты, *просвѣщенная и вкушившая даба небеснаго и содѣлавшаяся причастницей Св. Духа* ²⁾, и—не смотря на все это отпадавшая въ своихъ сомнѣнiяхъ и унынiяхъ? Какъ обновись ты (страшно сказать) „*снова растинающая въ себѣ Сына Божiя* ³⁾ и *ругающаяся Ему*“? Да, страшно сомнѣнiе! Было подобное со мною прежде, но, благодаренiе Господу, не надолго. Но вотъ опять приближается искушенiе. И что вина всему? Определенно сказать не можешь. Лишь только почувствуешь, что неосновательно твое убѣжденiе въ одномъ, какъ начинаешь идти по пути отрицанiя до первой причины. Чѣмъ дороже становится для тебя все святое, тѣмъ больше страдаешь, когда откуда нибудь появится сомнѣнiе въ истинности твоихъ святыхъ убѣжденiй. Отецъ небесный, какъ смущается душа моя, когда облако сомнѣнiя застилаетъ Тебя отъ ея сердечнаго ока! Безъ Тебя она чувствуетъ себя погибающею среди волнъ бушующаго моря. Какъ утопающiй хватается безсознательно за былинку, такъ и душа, очутившись въ головокружащей безднѣ сомнѣнiя, мятется, какъ за былинку хватается, ищетъ всякую мысль, которая привела бы ее къ Тебѣ. И какъ забьется отъ радости сердце, какая дѣтская улыбка показывается на устахъ, когда выплываетъ изъ бездны сомнѣнiя душа и мыслью и сердцемъ опять утверждаетъ въ Тебѣ. Тогда, согрѣтая любовiю и блаженная, она созерцаетъ Тебя, какъ дитя на лонѣ своей матери. Послѣ этого чувствуешь,

¹⁾ Изъ утренн. молитвъ.

²⁾ Евр. VI, 4.

³⁾ Евр. VI, 6.

какъ страшно грѣшатъ противъ своихъ ближнихъ тѣ, которые по легкомыслію посѣвають сѣмена соблазна и сомнѣнія. Языкъ такихъ „неудержимое зло, онъ исполненъ смертоноснаго яда“, отравляющаго тихую дѣтскую радость всякой вѣрующей, но слабой души, хрістіанну „*вкусившему дара небснаго и содѣлавшемуся причастникомъ Святаго Духа*“¹⁾, т. е. такому хрістіанину, который въ молитвѣ-ли, въ размышленіи-ли, или въ таинствахъ ощущалъ когда нибудь то невыразимое блаженство, проистекающее отъ ощущенія въ себѣ благодатнаго присутствія Божія, — такому Хрістіанину еще можно бороться съ сомнѣніями: воспоминаніе о нѣкогда бывшихъ блаженныхъ минутахъ со временемъ можетъ обратить его мысль и чувство къ вѣрѣ въ Бога, какъ дѣйствительный источникъ блаженства. Особенно же сдерживаетъ сомнѣвающуюся мысль нравственный обликъ Хріста Спасителя. Когда вспомнишь Его распятаго за истину²⁾ и всѣхъ къ себѣ зовущаго: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы,*³⁾ когда вспомнишь святое слов. Его: *егда вознесенъ буду, вся привлеку къ Себѣ,* — то невольно измученная сомнѣніями душа, пока сердцемъ, а не мыслью, влечется къ Нему, какъ къ „*Пути, Истинѣ и Жизни*“. Затѣмъ и мысль, найдя опору въ чувствѣ, постепенно убѣждается во всемъ, что Онъ проповѣдывалъ, убѣждается, что „*лестъ не обрѣтется во устѣхъ Его*“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Кому Церковь не мать, тому Богъ не Отецъ“.

авно мнѣ хотѣлось познакомиться съ виднымъ центромъ австрійской іерархіи—Рогожскимъ кладбищемъ. Зимою текущаго года удалось осуществить свое желаніе. Около двѣнадцати часовъ дня, наканунѣ Крещенія Господня, подъѣзжалъ я къ всероссійскому центру самочинной іерархіи, насчитывающему жителей не менѣе небольшихъ уѣздныхъ городовъ Вологодской епархіи. Съ Нижегородскаго вокзала медленно подвигался гробъ съ останками какого-то провинціала-австрійца, желавшаго почить вѣчнымъ сномъ вблизи соборнаго храма. По указанію привратника, я проѣхалъ къ главному собору, минуя множество мелкихъ и крупныхъ зданій кладбища. Было

1) Евр. VI, 4.

2) Иоан. XVIII, 37.

3) Мѣ. XI, 28.

начало литургіи и потому отовсюду стекались богомольцы. Внутренность храма поражаетъ обширностью: три большихъ придѣла, раздѣленные столбами, поддерживающими купола, сбоку въ пристройкахъ соприкасаются съ двумя меньшими, расположенными какъ бы внѣ храма. Иконы многояруснаго иконостаса стариннаго письма. На одномъ столбѣ икона Архистратига Божія Михаила, поражающаго змія, ниже море, волнами покрывающее грады, устроенные человѣческимъ искусствомъ и мудростью. Подпись гласитъ о погибели созданий рукъ человѣка въ часъ послѣдняго нелицепріятнаго суда. Предъ образами въ иконостасѣ возжены толстыя свѣчи желтаго воска. На срединѣ дородный лже-діаконъ читаетъ пареміи. Молящіеся во время чтенія ихъ сидятъ около столбовъ и стѣнъ храма. Всѣ встаютъ при пѣніи прокимна: „Господь ся воцари, въ лѣпоту ся облече“, возглашаетъ діаконъ. Лже-монахи и пѣвчіе и подростки школьники вторятъ ему. Отверзаются царскія двери и у престола появляется одѣтый въ полныя архіерейскія одежды старикъ лже-епископъ. „И нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ“; возглашаетъ чтець и врата затворяются. Присутствующіе чинно стоятъ, держа въ рукахъ лестовки. По нимъ молятся и простолюдины и интеллигенты, и учащіеся.

Казалось бы здѣсь мѣсто молитвъ и благодатному воздѣйствію Божію на душу грѣшника, такъ какъ москвичи старообрядцы не пожалѣли денегъ для украшенія храма, воздвигнутаго по образцу древнихъ новгородскихъ храмовъ съ многочисленными куполами для усиленія звука.

Здѣсь и самочинная іерархія—мнящая себя быти посредникомъ между Богомъ и людьми. Но нѣтъ: сердце чуждо благодатнаго воздѣйствія,—оно окаменѣло. Несмотря на окружающее убранство, напоминающее святую старину, сердце не испытываетъ благодатнаго възгрѣванія, переживаемаго молящимися въ православномъ храмѣ. Все есть, но нѣтъ существеннаго и необходимаго—благодати Божіей. По истинѣ справедливы слова Св. Кипріана Корѳагенскаго: „кому Церковь не мать, тому Богъ не Отець“.

Стоишь пораженный ужасомъ. Всѣ прегрѣшенія отпустятся падшему человечеству въ случаѣ искренняго раскаянія; но грѣхъ противъ Св. Духа не отпустится ни въ сей жизни, ни въ будущей!

А сколько въ нашей епархіи глаголемыхъ старообрядцевъ, чуждыхъ благодатнаго воздѣйствія Св. Церкви! По истинѣ жалкое зрѣлище! Они окружили себя обломками дорогой и намъ старины, сохранили нерѣдко даже покрой прежняго платья, но, погнавшись за налогами, потеряли главное и единственно цѣнное—св. Мать Церковь. Годы шли за годами, а расколъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ, точно Лотова жена, обернувшаяся

назадъ и превратившаяся въ безжизненный соляной столпъ. Только еще судорожныѣ, точно утопающіе, схватились старообрядцы за свои „древле православныя лѣстовки, подручники“. Послѣ большаго Московскаго Собора старообрядцы, убѣжденные въ близкой кончинѣ міра, убѣгали въ лѣса и пустыни, надѣвали саваны, ложились въ долбленные гробы и пѣли протяжнымъ заунывнымъ напѣвомъ похоронныя пѣсни: „древлянъ гробъ сосновень, ради мене строень; буду въ немъ лежати, трубна гласа ждати. Ангели вострубятъ — отъ гробовъ возбудятъ“.

Какъ будто и теперь стоятъ эти „древянные гробы“ по всей православной Руси и, уйдя отъ общей церковной жизни, лежатъ въ нихъ заживо замуровавшіе себя неразумные любители старины и заживо отпѣвають себя, не надѣясь ни на что, въ виду ложной мысли о воцарившемся антихристѣ. И глубже и глубже уходятъ эти гробы въ землю, зарываясь въ песокъ и непролазную глину, а мракъ все гуще и гуще окутываетъ живыхъ мертвецовъ.

Пожелаемъ же отъ души, чтобы, сохранивъ любовь къ старымъ завѣтамъ, глаголемые старообрядцы, оставивъ заблужденія, присоединились къ болѣзнуюющей о ихъ разлученіи Матери— православной Церкви, чтобы Воскресшій Спаситель, поправшій смерть, даровалъ благодатную жизнь „сущимъ во гробѣхъ“ („гробнымъ“) старообрядцамъ. Пожелаемъ, чтобы они усвоили изреченіе Большаго Катихизиса: „Кромѣ нея (Церкви Божіей) нигдѣже нѣсть спасенія... Иже не пребываетъ въ сей соборнѣй Церкви, тѣхъ Христось не спасаетъ и Духа Святаго сицевіи не имуть“ (л. 122).

А. Поліевсктовъ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XXVII.

Отдавъ послѣдній долгъ сыновней любви почившей родительницѣ, я прежде всего долженъ былъ озаботиться о поступленіи вновь на мѣсто: вся семья, начиная съ родителя, по предсмертной волѣ матери и по моему сыновнему долгу осталась на мо-

ихъ рукахъ. О монашествѣ, стало быть, нечего и думать, а надо было, какъ можно скорѣе, приниматься за добываніе насущнаго хлѣба.

Испросивъ благословенія у родителя, я отправился къ управляющему откупными сборами Тамбовской губерніи, Василию Никитичу Рукавишникову, брату родному извѣстнаго откупщика А. Н. Рукавишникова. У него я служилъ еще раньше въ Землѣ Войска Донскаго. Онъ меня любилъ и, когда я, уѣзжая къ родителямъ, оставлялъ у него службу, онъ обѣщалъ меня вновь къ себѣ принять, если это мнѣ понадобится. Такъ и случилось, и меня онъ назначилъ дистанціоннымъ въ г. Усмань Тамбовской губерніи. Такимъ образомъ, жизнь моихъ семейныхъ была вновь обезпечена. Но моя жизнь духовная, мои стремленія, жажда моя служенія Богу?... О, какимъ тяжкимъ искушеніямъ подвергались они въ эти годы! Это была непрестанная, кровавая борьба духа съ плотью, и, каюсь, часто, слишкомъ даже часто, духъ былъ одолѣваемъ плотью.

Единственной поддержкой мнѣ въ это время было непрестанное мое хожденіе къ раннимъ обѣднямъ. Тамъ, въ Божьемъ храмѣ изливалась душа моя, молившаяся Господу, чтобы Онъ ими же вѣсть судьбами спасъ меня отъ соблазновъ міра. Но паденія слѣдовали за паденіями... Товарищи мои нерѣдко удивлялись мнѣ, когда въ самыя веселья, повидимому, минуты нашихъ веселыхъ собраній, я бралъ въ руки гитару и, перебирая задумчиво струны, голосомъ, исполненнымъ внутренняго волненія, дрожащимъ отъ скрытыхъ слезъ, напѣвалъ любимый въ то время мною романсъ:

„Меня никто не понимаетъ,

„И никому меня не жаль,

„Судьбѣ моей никто не внемлетъ,

„И не съ кѣмъ раздѣлить печаль“....

Иногда, подъ наплывомъ чувства тяжелой неудовлетворенности, я бросалъ гитару, убѣгалъ въ сосѣдную комнату и рыдалъ, какъ ребенокъ, неутѣшными слезами,—оставляя товарищей въ полномъ недоумѣніи... Къ великому моему горю, эти минуты слезнаго раскаянія не оберегали меня отъ страстныхъ увлеченій...

Служа въ г. Усмани, я квартировалъ въ домѣ одной госпожи, у которой и столовался. Особа эта жила въ свое удовольствіе, даже роскошно, и мнѣ жилось у нея очень хорошо въ смыслѣ продовольствія. У ней жила изъ милости, въ качествѣ бѣдной родственницы, молоденькая вдова, не старше 22-хъ—25-ти лѣтъ. Она, не смотря на свой юный возрастъ, была уже за двумя мужьями и съ обоими прожила не болѣе 1½ года. Дѣло наше съ ней обоихъ было молодое и, вотъ, однажды сидя съ ней на

балконъ нашего дома, мы вступили съ ней въ откровенный разговоръ... Слово-за слово, она мнѣ повѣдала грустную исторію своей неудавшейся молодой жизни и, между прочимъ сказала:

— „Мудрено, Ѳедоръ Аванасьевичъ, въ моемъ положеніи быть честной: на все нужны деньги, а гдѣ ихъ взять? Поневоля измѣнишь нравственности“...

— А, много ли вамъ нужно, чтобъ избѣгнуть такой крайности?“—спросилъ я съ живымъ къ ней участіемъ.

Она сказала мнѣ цифру и такъ какъ сумма эта была въ предѣлахъ моихъ средствъ, то я тутъ же ей и выдалъ, сколько она сама назначила...

— „Только бы вы не измѣняли цѣломудрію и каждодневно ходили въ церковь и молились Богу“,—объятый порывомъ великодушной жалости, сказалъ ей я... На этомъ наша бесѣда въ этотъ день и кончилась.

На утро, идя, по обычаю, къ ранней обѣднѣ, вспоминая разговоръ мой съ молоденькой вдовой, я чувствовалъ себя какъ бы Святителемъ Николаемъ, спасающимъ отъ разврата дѣвическое цѣломудріе... Прости меня, Угодникъ Божій!... Но недолго мнѣ пришлось быть на этой высотѣ, и, но маломъ времени, я уже былъ въ преступной связи съ прелестницей. Совершилось это очень быстро и очень просто, а, немного времени спустя, я уже былъ оповѣщенъ, что плодъ любви нашей уже лежитъ подъ ея сердцемъ... Какъ громомъ меня поразило извѣстіе. Что было дѣлать мнѣ? Нельзя же было оставить ее несчастной, а выходъ былъ одинъ—жениться... А монастырь? а обѣты?... Господи, до чего я былъ близокъ тогда къ совершенному отчаянію!...

Въ это то страшное для меня время, когда все сердце мое обливалось слезами иоздняго и, казалось, бесплоднаго раскаянія, я долженъ былъ выѣхать по службѣ въ уѣздъ. Поздно вечеромъ въ селѣ Нелжѣ, окончивъ разливъ питей въ питейныя заведенія и забравъ съ собой всю денежную выручку, пришелъ на квартиру и, помолившись Богу, легъ спать. Но сердце не о снѣ думало, а весь мой помыслъ сосредоточился на страшномъ для меня вопросѣ о женитьбѣ. Помышляя о своихъ обѣтахъ, о жизни своей, столь несоотвѣтственной моимъ стремленіямъ, я горько плакалъ, уткнувшись въ подушки и, съ молитвой къ Пречистой о заступленіи, заснулъ. И вижу я во снѣ: передъ иконой Божіей Матери молится преосвященный Тамбовскій Николай. Въ это время изъ иконы выступаетъ Ир. Сергій Радонежскій и становится сбоку иконы. И мнѣ будто бы нужно подойти къ Царицѣ Небесной, чтобы поцѣловать Ея Пречистыя стопочки, но, взглянувъ на Нее, я сознаю свое недостойство, всѣ свои преступленія и, горько зарыдавъ, падаю ницъ на землю. Лежу я, такъ-то,

на землѣ, обливаюсь слезами и вмѣстѣ чувствую, что не въ силахъ разорвать преступную связь—слишкомъ люблю предметъ своей страсти. Въ такихъ-то чувствахъ я молюсь Владычицѣ и прошу Ее, чтобы Она Сама, силой данной Ей благодати, спасла меня отъ узъ брака и дала мнѣ возможность не уклоняться отъ данныхъ обѣтовъ... И услышалъ я тутъ незримый голосъ, дѣлавшій мнѣ выговоръ, и былъ удостоенъ поцѣловать стопу Преподобнословенной. По всему моему существу разлилась тогда неизъяснимая радость, и я проснулся, и, когда проснулся, то замѣтилъ, что вся моя подушка была омочена слезами.

Съ этого времени я прервалъ свою связь... Боже мой! Сколько пришлось мнѣ вынести тогда сценъ, слезъ, упрековъ, проклятій, угрозъ лишить себя жизни! Но, рассказавъ ей свой сонъ, я былъ непоколебимъ и, хотя она ему не вѣрила, но я твердо стоялъ на своемъ и старался ее убѣдить, что она сама повѣритъ истинѣ моихъ словъ, и судьба ея устроится помимо меня, а что мнѣ, всетаки, предстоитъ монашество.

Прошло со времени моего разрыва самое короткое время. Моей вдовушкѣ надо было, по приглашенію ея родственника, ѣхать въ Задонскъ на свадьбу. Передъ отъѣздомъ она забѣжала ко мнѣ и сказала:

— „Хоть помолись ты обо мнѣ, чтобы Господь меня пристроилъ: а то, бѣда моя,—куда я теперь скроюсь?“

— Вы, вотъ, мнѣ все не вѣрите. А, если угодно Царицѣ Небесной, чтобы я былъ въ монахахъ, то вы выйдете замужъ,—говорилъ ей я, стараясь ее утѣшить.

Самъ я всей силой души вѣрилъ своему сну, вѣрилъ въ помощь Царицы Небесной. Но она не вѣрила. И жалко мнѣ было ее, и горько я плакалъ, прося помощи свыше.

Что вышло?... Пока они жили въ Задонскѣ, пріѣхалъ неожиданно къ ея родственнику богатый Елецкій купецъ Ж. Увидавъ ее, онъ сразу въ нее влюбился и, заинтересовавшись ею, спросилъ родственника:

— „Чья это молодая дама?“

— „Это моя сирота-племянница“, отвѣчалъ онъ: „и притомъ крайне несчастная“.

— „Чѣмъ?“

— „А, вотъ, видите, какъ она молода, а уже была замужемъ за двумя мужьями и жила-то за ними, за обоими, не болѣе 1½ года“.

— „Вотъ и прекрасно!“—воскликнулъ Ж.: „такую-то намъ и нужно: я вдовецъ—не пойдетъ ли она за меня замужъ, за третьяго?“

Такъ это было неожиданно, да къ тому же купецъ этотъ

былъ очень богатый, что родственникъ моей вдовушки поначалу, было, усумнился,—ужь не шутить ли богатый. Но тотъ продолжалъ:

— „Я серьезно вамъ говорю, что, если ваша родственница пойдетъ за меня хромого старика (онъ прихрамывалъ на одну ногу), то я ее возьму за себя.“

Послали за ней. Она сразу тоже, было, не повѣрила, но, когда увидала, что дѣло выходить въ серьезъ, съ радостью согласилась. Еще удивительнѣе было то, что Ж. торопилъ со свадьбой и захотѣлъ ее сыграть тутъ же, чтобы о ней не успѣлъ узнать никто изъ его семейныхъ. Дѣло закипѣло на всѣхъ, что называется, парахъ, и, не успѣвъ я оглянуться, какъ въ одну ночь прикатила на тройкѣ въ Усмань изъ Задонска торжествующая вдовушка и съ радостью всѣмъ намъ объявила:

— „Я прѣехала за метрическимъ свидѣтельствомъ: я, вѣдь, выхожу на дняхъ замужъ и, представьте, еще за кого? за богача Елецкаго Ж!“.

Она была очень довольна и на утро уже укатила обратно въ Задонскъ съ метрическимъ свидѣтельствомъ, гдѣ, къ удивленію всѣхъ, тутъ же и вышла замужъ.

Такъ окончилось мое Усманское искушеніе. Безпредѣльна была моя благодарность Пречистой. Я твердо рѣшилъ измѣнить свою жизнь.

XXVIII.

По обстоятельствамъ моей службы меня вскорѣ перевели въ Лебедянь той же Тамбовской губерніи. Въ Лебедяни въ тѣ времена бывала каждый годъ огромная ярмарка и разливаніе продажи бывало многія тысячи ведеръ. Должность подвального тамъ была очень трудной и отвѣтственной. И вотъ на эту то должность меня и сочли нужнымъ перевести подъ начальство управляющаго, нѣкоего Ивана Андреевича Дивѣва, человѣка благочестиваго и рѣдко доброй и благородной души. Я продолжалъ и въ Лебедяни по-прежнему, несмотря на ядовитыя насмѣшки сотоварищей по службѣ, свои хожденія къ ранней обѣднѣ. Это было замѣчено Дивѣвымъ, и онъ очень ко мнѣ расположился. Не надѣясь на свои духовныя силы въ борьбѣ съ обуревавшими меня страстями, я рѣшилъ бороться съ ними тѣлеснымъ способомъ, часто простаивая цѣлыя ночи напролетъ на молитвѣ, и, наконецъ, обложилъ себя по голому тѣлу желѣзными веригами на шалнерахъ. Мѣстный слесарь сдѣлалъ мнѣ ихъ за золотой полуимперіаль. Вериги я эти носилъ не снимая день и ночь и отъ нихъ у меня сдѣлались раны, слѣды которыхъ видны у меня и доселѣ.

Плоть моя, подъ вліяніемъ такихъ чрезвычайныхъ мѣръ, правда, до нѣкоторой степени обуздана, но за то начались искушенія со стороны духа.

Однажды вечеромъ управляющій позвалъ меня къ себѣ и пригласилъ на другой день ѣхать за 17 верстъ отъ Лебедяни въ Сезеневскій женскій монастырь помолиться и отслужить панихиду по основателѣ обители, великомъ подвижникѣ и затворникѣ Іоаннѣ Сезеневскомъ. Предложеніе это мнѣ было, какъ нельзя болѣе, по духу, и мы на другой день вечеромъ выѣхали въ обитель, чтобы переночевать тамъ и отстоять Литургію. Когда послѣ Литургіи мы пошли къ панихидѣ въ пещерку, гдѣ покоится послѣднимъ сномъ до общаго воскресенія великій подвижникъ, и видя, какъ народъ и вмѣстѣ съ нимъ мой управляющій прикладываются къ его чеканному изображенію на гробницѣ, какъ къ изображенію святаго, я неожиданно для себя внезапно вознегодовалъ. „Какъ“, подумалъ я: „цѣловать простое изображеніе человѣка, непризнаннаго еще святымъ Св. Синодомъ!—это невѣжество!“ И, давъ волю этому чувству, я, когда подошелъ къ гробницѣ, поцѣловалъ только изображеніе на ней креста, а сердцемъ сказалъ, обращаясь къ почившему затворнику: „а твоего изображенія я цѣловать не стану, пока тебя не признаетъ Церковь!“—и съ этой мыслью я отошелъ негодую отъ гробницы.

Управляющій пошелъ къ игуменьѣ, а я—къ экипажу. Кромѣ нашего было много и другихъ экипажей и, прислушиваясь къ разговору кучеровъ, я услыхалъ, какъ одинъ говоритъ другимъ:

— „Онъ (затворникъ Іоаннъ) все ѣлъ съ деревяннымъ масломъ. Бывало сдѣлаетъ себѣ яичницу изъ одного яйца, и ту ѣстъ съ деревяннымъ масломъ“...

Это онъ дѣлалъ для того, подумалось мнѣ, чтобы быть послѣ смерти нетлѣннымъ. Навѣрно, онъ зналъ, что деревянное масло препятствуетъ трупу разлагаться. Безумная эта мысль, развиваясь все далѣе, довела меня, въ концѣ концовъ, до полнаго невѣрія въ подвиги и святость жизни затворника. А дальше пошло въ головѣ что-то и вовсе ни съ чѣмъ несообразное: ничего нѣтъ чудеснаго... все тайны природы, кажушіяся чудесными, пока еще онѣ не открыты и не разгаданы человѣкомъ... сны, мечты, воображеніе!... Я путался въ мысляхъ все болѣе и болѣе и кончилъ тѣмъ, что и вовсе запутался.

По возвращеніи своемъ домой въ Лебедянь въ самыхъ растрепанныхъ чувствахъ, я оправилъ машинально въ своей комнаткѣ лампадку передъ образомъ Божіей Матери, и легъ на диванъ лицомъ къ стѣнкѣ. Не успѣлъ я, какъ слѣдуетъ, задремать,

какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то ударилъ меня тихо по плечу и между дремой и пробужденіемъ, я услышалъ голосъ, говорящій мнѣ:

— „Ты думаешь, что я ѣлъ все съ деревяннымъ масломъ для сохраненія своего тѣла нетлѣннымъ. Я ѣлъ его отъ грыжи“.

Я мигомъ обернулся и увидаль около себя затворника Іоанна точь въ точь такого, какимъ онъ изображается на портретахъ. Сказавъ мнѣ эти слова, онъ сталъ невидимъ.

Ужась объялъ меня отъ этого видѣнія: оно было такъ ясно, такъ живо, что у меня не было ни минуты сомнѣнія въ томъ, что Божій угодникъ явился мнѣ для обличенія моего кощунства. Я вскочилъ съ дивана и долго не могъ успокоиться, и все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Понемногу сила впечатлѣнія отъ видѣннаго стала ослабѣвать, и опять зароились въ головѣ отступившія, было, мысли: разстроенное воображеніе, оптической обманъ, галлюцинаціи!... Слова эти и въ то время были уже въ большемъ ходу между тѣми, кому хотѣлось быть умными.

У меня въ это время болѣли и сильно гноились глаза. Какъ бы въ отвѣтъ на роившіяся въ моей головѣ соображенія, молніей промелькнула въ ней и другая мысль: если это видѣніе— не бредъ разстроеннаго воображенія, а истинное явленіе, то пусть исцѣлится моя глазная боль безъ всякихъ медицинскихъ средствъ. Тогда я увѣрую.

На утро, когда я шелъ на службу, мнѣ встрѣтился по дорогѣ фельдшеръ И. П., знавшій о моей глазной болѣзни, и далъ мнѣ пузырекъ съ лекарствомъ, говоря:

— „А я вамъ несъ лекарство противъ глазной боли!“

Лекарство я взялъ, поблагодарилъ фельдшера, но воспользоваться имъ не успѣлъ по встрѣтившимся мнѣ спѣшнымъ служебнымъ дѣламъ, которыя требовали усиленнаго занятія. Вечеромъ, собираясь изъ дому къ товарищу по службѣ, чтобы съ нимъ идти къ его невѣстѣ, у которой я былъ сватомъ, я, подвязывая манишку, взглянулъ въ зеркало и увидѣлъ, что глаза мои какъ будто никогда и не болѣли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прозорливый старецъ (о. діаконъ Петропавловскій).

Въ дополненіе къ напечатаннымъ раньше, вотъ нѣсколько прозорливыхъ предсказаній отца діакона Петропавловскаго, записанныхъ со словъ старца прихожанина Николаевской церкви во Владычной слободѣ.

Въ 1876 году, говоритъ онъ, я пріѣхалъ изъ г. К. въ Вологду. Жилъ я въ приходѣ Предтеченской Роценской церкви, почти напротивъ самой церкви. Тогда уже ходила молва о прозорливости старца—діакона. Предсказанія его сбывались съ поразительною точностію, потому его считали за человѣка праведнаго и святого. Я тогда еще мало былъ знакомъ съ о. діаконѣмъ, но потомъ познакомился съ нимъ ближе и неоднократно на себѣ испыталъ силу его благодатнаго дарованія.

Однажды моя теща, вдова поручика Евдокія Кондратьевна, была вечеромъ „на стояніи“ въ Предтеченской церкви. Это было въ великій четвергъ. Она хорошо знакома была съ о. діаконѣмъ и принадлежала къ числу его почитательницъ. Народу въ церкви было множество. Служба окончилась. Богомольцы расходились. Теща осталась, чтобы переждать, пока станетъ свободно. Народу въ церкви оставалось немного. Вдругъ подходитъ къ ней о. діаконъ и озадачилъ ее вопросомъ: „ты все еще жива, Евдокія Кондратьевна?“—„Что вы, отецъ діаконъ! Отвѣтила теща. Я слава Богу, здорова, даже и не хворала“. Сказавъ эти слова, о. діаконъ скоро ушелъ, какъ и всегда.

По возвращеніи домой, теща рассказала о своей странной встрѣчѣ съ нимъ и о томъ, что онъ сказалъ ей. Ничего не подозревая, теща легла спать. Вдругъ ночью у нея обнаружилась страшная болѣзнь, такъ что безъ посторонней помощи она даже не могла встать съ постели. Она лежала въ страшномъ жару; лихорадка нестерпимо ее мучила. Утромъ я пошелъ за докторомъ. Дорогой встрѣчаю о. діакона. Рассказываю о болѣзни тещи. Онъ уговариваетъ меня, убѣждаетъ бесполезно не тратиться на докторовъ, а предаться на волю Божію. Я не послушался, пошелъ. Одинъ докторъ рѣшительно отказался лѣчить больную, въ виду ея безнадежности, а другой старался употребить всѣ медицинскія средства, но все было напрасно. Больной день ото дня было хуже. На Свѣтлой недѣлѣ она умерла. Такъ исполнилась воля Божія.

О. діаконъ, какъ всѣ наблюдали, обыкновенно являлся ангеломъ-утѣшителемъ въ нуждѣ, въ горѣ, въ страданіяхъ. Это я испыталъ на себѣ самомъ неоднократно.

Проживая въ Вологдѣ, я долго оставался безъ мѣста и сталъ испытывать большую нужду. Это меня очень сокрушало. Нечѣмъ было содержать семью, а въ городѣ ни родныхъ, ни близкихъ. Задумавшись, сидѣлъ я однажды у окна своей квартиры. Вижу,—идетъ мимо о. діаконъ. Я позвалъ его къ себѣ, ожидая, не скажетъ ли онъ мнѣ чего либо отраднанаго, не наставитъ-ли меня, какъ выйдти изъ затруднительнаго положенія. О. діаконъ зашелъ. Я предложилъ ему чаю, но гость отказался отъ этого уго-

щенія. Стали бесѣдовать. Я откровенно сообщилъ о безотраднѣмъ моемъ положеніи. Отець діаконъ молча выслушалъ. Потомъ онъ что-то сталъ говорить мнѣ, но говорилъ неясно, какими-то обиняками, такъ что понять было трудно смыслъ его рѣчи. Онъ говорилъ о смиренной молитвѣ, которая пройдетъ въ небеса и услышится. Говорилъ что-то о падающей Ермонской росѣ. Закончилъ онъ свою рѣчь словами: „все такъ и будетъ“. Простившись, онъ пошелъ отъ меня. Я просилъ его молитвѣ. Вскорѣ я получилъ хорошую должность и мнѣ можно стало существовать безбѣдно. Это я приписываю молитвамъ святаго старца.

Прослуживши годъ, я сильно заболѣлъ простудою ногъ. Проболѣлъ цѣлый годъ, лишился мѣста и по выздоровленіи вновь долженъ былъ искать службы. Нужно было опять идти по начальству. Я началъ - было собираться, но невольнѣо раздумье овладѣло мною: идти или не идти? Вдругъ въ моменты моего колебанія я взглянулъ въ окно и увидѣлъ проходившаго о. діакона. Проходя мимо окна, у котораго я стоялъ, онъ перекрестилъ меня и поспѣшно пошелъ дальше. Я сочелъ это за отрадное предзнаменованіе и безбоязненно собрался идти. Путь мой, дѣйствительно, былъ благословенъ, и полученный мною успѣхъ я приписываю опять молитвенной помощи прозорливца.

Сообщилъ священникъ В. Церковницкій. Послѣдующіе рассказы о старцѣ-прозорливцѣ записаны со словъ его дальней родственницы.

Однажды сидѣла я у окна. Вижу,—идетъ о. діаконъ. Я начинаю звать его въ домъ. Но онъ по обычаю скороговоркой проговорилъ: „не зайду, не зайду, — у васъ ладономъ пахнетъ“. Вскорѣ померъ мой зять.

Въ другой разъ онъ самъ зашелъ къ намъ и обращается къ моей старшей сестрѣ: „ну, жена Аноллинарія!“... Та была еще дѣвушкой и обидчиво сказала о. діакону, что она не жена, а дѣвица. „Ну не сердись! На тебѣ пряничекъ и съ пряничкомъ выбирай жениха“. Сестра вскорѣ вышла за мужъ за кандидата священства.

Иногда отецъ діаконъ сиживалъ у насъ подолгу и говорилъ много. По обыкновенію, говорилъ онъ таинственно и непонятно. Слушая его рѣчь, я однажды сказала на ушко своей сестрѣ, чтобы о. діаконъ не слышалъ: „онъ все вретъ“... Но, къ удивленію моему, онъ услышалъ, но не естественными, а таинственными ушами, обидѣлся, быстро вскочилъ и со словами: „будетъ мнѣ говорить: я вѣдь все вру“,—выбѣжалъ на улицу.

Разъ онъ зашелъ въ гости къ почитавшему его купцу. Обѣдалъ, пилъ чай и сталъ проситься отдохнуть. Ему приготовили кровать и онъ заснулъ. Купецъ на этотъ день видѣлъ какой-то

странный сонъ. Въ бесѣдѣ съ женой онъ рѣшилъ обратиться съ просьбой объ его истолкованіи къ прозорливцу. Но какъ только онъ подошелъ къ о. діакону, чтобы спросить его о значеніи видѣннаго сна, самъ прозорливый предварилъ желавшаго вопрошать его: „сейчасъ, сейчасъ домой! Тутъ будутъ меня про сны спрашивать, а я ничего не знаю“, и убѣжалъ...

У одной монастырки о. діаконъ просилъ денегъ не крупную сумму. Ея товарка въ сосѣдней комнатѣ на ушко шеннула ей: „пожалуй, дай дураку, такъ онъ и не отдастъ“. Но отецъ діаконъ услышалъ тайно сказанное и такъ отвѣчалъ по адресу неразумной: „я хоть и дуракъ, да отдамъ“...

Сообщилъ С. Н. Н.

Изъ Редакціи Троицкихъ Листковъ можно выписывать книгу:

ТРОИЦКОЕ ТОЛКОВОЕ ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТӨЕЯ

или Троицкіе Листки, выпуски 21—25, заключающіе въ себѣ

ПОЛНОЕ ТОЛКОВАНИЕ

НА СВ. ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТӨЕЯ

удостоено отъ Св. Синода преміи въ 1000 рублей.

Въ текстѣ помѣщено до 66 рисунковъ, взятыхъ изъ древняго рукописнаго Евангелія 1470 года, изъ Псалтири Троицкаго инока Симеона Азарьина 1634 года и со стѣнъ Успенскаго собора въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ.

Книгу можно получать въ отдѣльныхъ листкахъ (200 №№ съ № 800 по № 1000) съ указателемъ съ пересылкою за 2 р., выпусками, въ видѣ книжекъ по 40 №№ листковъ въ каждой, цѣна 50 коп. съ пересылкой, или въ видѣ одной большой книги (пятый томъ Троицкихъ Листковъ) въ папкѣ-корешкѣ съ пересылкой 2 р. 50 к., а въ коленкорѣ съ тисненіемъ 3 руб.

Въ видѣ большой книги *Троицкое Толковое Евангеліе отъ Матөея* можно получать и на веленовой розовой бумагѣ, въ коленкорѣ, съ тисненіями, цѣною по 3 р. 50 к. безъ пересылки и 4 р. съ пересылкою. Въ отдѣльныхъ листкахъ на этой бумагѣ книга не продается.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію Троицкихъ Листковъ.

Цензоръ Протоіерей Н. Якубовъ.

Редакторъ Свящ. Н. Коноплевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.